

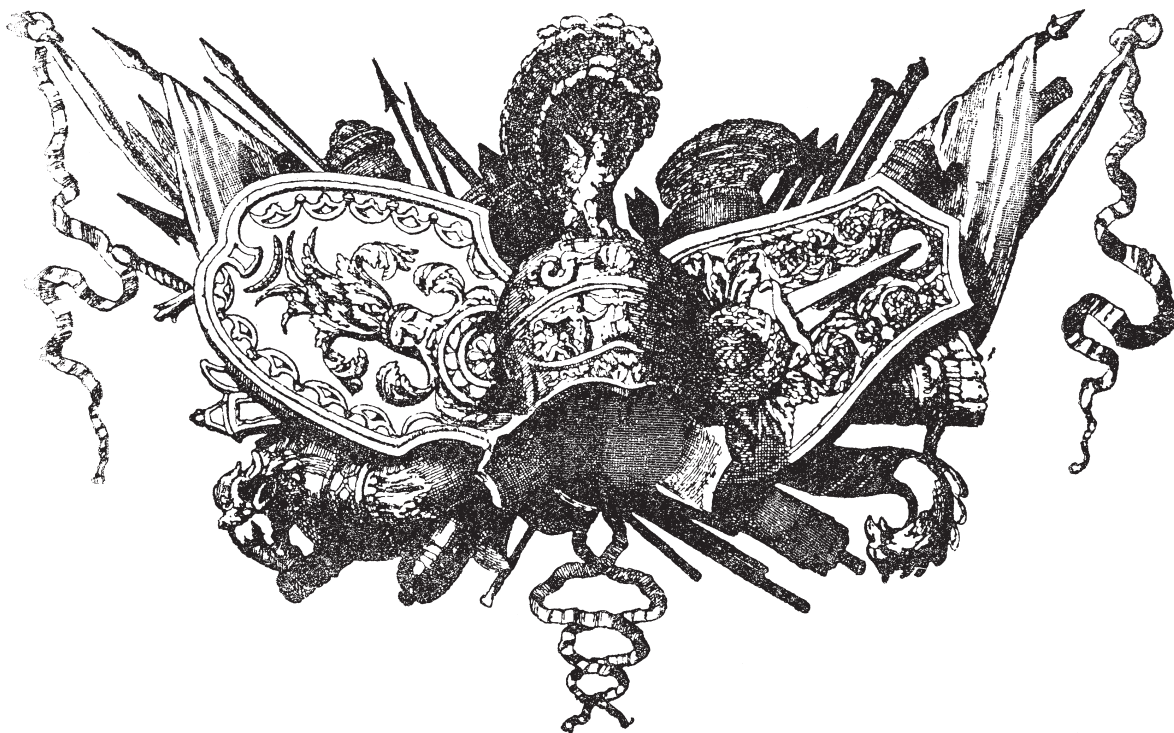

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Иллюстрированное издание

Москва

ЗНАЧЕНИЕ МОРЕХОДСТВА И МОРСКОЙ СИЛЫ ДЛЯ РОССИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*Очерк, составленный лейтенантом флота
Н. Д. Каллистовым*

В IX веке устьем Невы начинался великий путь из Варяг в Греки; этим путем в половине века началась Россия.

С. М. Соловьев

Эта зависимость зарождения нашего государства от водного пути между морями Балтийским и Черным создавалась не сразу, а явилась следствием выгод географического положения племен, из которых сложилось Русское государство. Расселившиеся, по приходе с Дуная, по бассейнам рек, впадающих в моря Черное, Каспийское и Балтийское, русские племена оказались в центре двух водных торговых путей: из Балтийского моря в Черное (р. Нева, Ладожское озеро, р. Волхов, озеро Ильмень, р. Ловать, «волоок» между Ловатью и Днепром, Днепр — «из Варяг в Греки») и из Балтийского же и Черного («волоками», волжскими притоками и Волгой) в Каспийское — так называемый Восточный торговый путь, ведущий в Среднюю Азию и Индию.

Постоянное общение с иноземцами — скандинавами, греками, закаспийскими купцами, — провозившими через Русскую землю богатые товары, не могло не заразить русские племена тем же духом предприимчивости, каким отличались иноземные купцы-воины. Из того, что преп. Нестор относит именование Понта Эвксинского (греческое название Черного моря) морем Русским — «еже море словеть Русское» — еще к незапамятным временам, можно заключить,

что мореходство в Черном море было значительно развито у нас еще задолго до сложения государства.

Существование же в доисторические времена русского мореходства в Балтийском, тогда Варяжском, море неоспоримо доказывается фактом призывания Рюрика.

Выгодное положение осевших на торговых водных путях новгородских славян и постоянные несогласия и раздоры между ними привлекали к ним внимание других народов, для которых утвердить свое господство над Русью значило бы овладеть исключительно богатой по своему значению страной; попытку к завладению местами, где жили новгородские славяне, сделали варяги, обложившие славян данью, но славянские племена, сознавшие всю опасность междоусобных раздоров, «изгнаша Варяги за море» (860) и «идоша за море к Варягом к Руси» (варягорусам) — за Рюриком, Синеусом и Трувором (862). «От тех прозвася Русская земля»¹.

Самое зарождение Русского государства является, таким образом, по свидетельству древнейшего нашего летописца, неразрывно связанным с мореходством и, можно предполагать, даже господством на море, достаточно прочным для того чтобы, по изгнании «за море» враждебных варяжских племен, идти тем же морем на поиски князя.

Призванные княжить Рюрик, Синеус и Трувор расположились в главных центрах торговых водных путей; Аскольд и Дир, с согласия Рюрика, заняли Киев, устранив тем самым его зависимость от хазар².

Первые же страницы русской истории открываются морскими походами на Византию и Болгарию, из которых — а их было, несомненно, больше — в истории остались отмеченными девять. В большинстве случаев целью походов было желание воспользоваться затруднительными моментами в истории Византии для получения богатой добычи.

Первый поход. В 866 г. Аскольд и Дир с дружиной спустились Днепром в Черное море, прошли Босфор и явились перед стенами Константинополя. Византийский император Михаил III находился в отсутствии, в походе против агарян³, войск в Константинополе почти не было, и русский флот, состоявший из 200 с лишком судов, явился для столицы Византии грозной, внушительной силой. Константинопольский патриарх Фотий, отслужив молебен, погрузил в волны Босфора икону Влахернской Божией Матери; совершилось чудо: произошла буря, и большая часть русских судов погибла в волнах; с остальными Аскольд и Дир вернулись прежним путем к Киеву.

Не многие из русских людей, повторяя за всеобщей молитвой «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых», знают, что молитва эта, сложенная патриархом Фотием в прославление Божией Матери, является одним из доказа-

тельств ошутительной силы древнего русского мореходства и что «злыми», за избавление от которых Византии православная церковь приносит Богоматери благодарения во всех необъятных углах России, являются наши предки — русский, тогда языческий, флот, грозивший Константинополю.

Второй поход тех же Аскольда и Диры совершен был в следующем, 867-м, году; русские суда грабили берега Черного моря, но до Босфора не дошли: византийский император поторопился заключить мир, по которому Аскольду и Диру достались богатые дары — золото, серебро и шелковые ткани. Первые два похода послужили к обращению Аскольда и Диры и некоторых дружинников в христианство.

Третий поход, предпринятый князем Олегом в 907 г., совершен был на 2 тыс. судов; только конница была отправлена сухим путем. При появлении русского флота перед Константинополем греки завели перед гаванью боны, но Олег обошел это препятствие: суда были поставлены на катки и переташены берегом к гавани. Из опасения разгрома столицы грекам пришлось согласиться на невыгодный мир: Олег получил денежную дань, рассчитанную по 12 гривен на каждое русское судно и, кроме того, большую сумму на содержание княжеских воевод в Киеве, Чернигове, Полоцке и других русских городах; в знак победы и примирения с греками щит Олега был прибит к городским воротам Константинополя. В договоре, заключенном в 912 г. в Константинополе послами Олега с греками, отношения Руси и Византии были приведены к союзу и были установлены нормы взаимных морских торговых сношений.

Четвертый поход. В июне 941 г. князь Игорь, нарушив мир, явился перед Босфором с флотом из 1 тыс. судов (некоторые историки определяют число судов в 10 и даже 15 тыс., но эти цифры вероятнее отнести к следующему походу Игоря); высаженные на берег воины принялись разорять и грабить окрестности; суда же стояли по обе стороны входа в Босфор. Наскоро снаряженный греческий флот из 15 кораблей, вышедший к русским судам, обратил против них страшное по тем временам оружие — «греческий огонь»: зажигательный состав, выброшенный из особых труб и имевший свойство гореть на воде. Греческий огонь оказался губительным для флота Игоря: множество русских судов сгорело, причем погибло много воинов, искавших спасения в воде.

Уйдя от Босфора к Малой Азии, Игорь произвел высадку у берегов Вифинии, выдержал у фракийских берегов неудачное сражение с греческим флотом и в сентябре вернулся в Киев.

Русский флот перед Константинополем в 866 г.
Прорисовка русской иконы XVII в.

Пятый поход. После неудачного похода 941 г. князь Игорь неустанно собирал силы для нового нападения на Византию. К новому морскому походу были призваны, кроме русских, варяги и печенеги.

В 944 г. русский флот вышел в Черное море в таком количестве судов, что правители таврических колоний поспешили донести в Константинополь, что «русские корабли без числа покрыли собою море». Одновременно с флотом Игорь, по примеру Олега, направил к Константинополю сухим путем конницу. Устрашенный надвигаю-

щейся над столицей грозой, византийский император Роман поспешил предложить Игорю дань. Императорские послы встретили Игоря у устья Дуная, и оттуда, получив богатые дары, Игорь вернулся с флотом и дружинами в Киев. Союзный договор, заключенный с Византией в следующем году, составлен был по образцу договора Олега, но изворотливые греческие дипломаты добились для Византии сравнительно больших выгод.

Шестой поход совершен был в 967 г. князем Святославом в качестве союзника Византии против

дунайских болгар. Святослав с 60-тысячным войском отправился морем из Днепра в Дунай, завоевал Болгарию и прочно утвердился в городе Преславе. Известие об осаде Киева печенегами заставило Святослава оставить Болгарию и спешить на защиту своей столицы, и хотя Киев был освобожден еще до прибытия Святослава, но князю, по просьбе его матери, св. Ольги, пришлось остаться в Киеве.

Седьмой поход совершен Святославом уже по кончине св. Ольги, в 970 г. Флот, в числе около 250 судов, явился снова к Дунаю, и Святославу вторично пришлось брать Преслав. Утверждение Святослава в Болгарии сильно обеспокоило Визан-

Русские суда с экипажем в 2 тыс. чел. в бурную ночь вышли от Доростола и, несмотря на присутствие греческого флота, обошли окрестное побережье, производили высадки, захватили запасы хлеба в придунайских селениях, истребили множество греков и благополучно вернулись к Доростолу.

22 июля 971 г. под стенами Доростола произошло решительное сражение Святослава с войсками Цимисхия; неопределенный исход неравного боя привел к мирным переговорам, после которых, обязавшись не воевать против Византии и Болгарии, Святослав со своими войсками направился на флоте к Днепру и вскоре же погиб в битве с печенегами.

Свидание Святослава с Цимисхием (по описанию Льва Диакона).

С картины академика Ф. Г. Солнцева

тию; император Иоанн Цимисхий стал готовиться к войне, но, предупрежденный Святославом, двинувшимся со своими войсками к Адрианополю и Филиппополю и намеревавшимся идти на Царьград, был вынужден откупиться богатою данью и заявить о своих мирных целях. В следующем, 971-м, году вероломством Цимисхия⁴ Святослав был поставлен в почти безвыходное положение, когда на него, с малочисленной дружиной, при Доростоле (нынешняя Силистрия) обрушился император. Осажденный в Доростоле русский отряд испытывал большую нужду в съестных припасах, и только помощь со стороны флота дала возможность временно справиться с этой нуждой.

Девятый поход на Византию относится к 1043 г. Великий князь Ярослав, извещенный об убийстве в Константинополе одного русского, отправил к Царьграду флот под начальством своего юного сына Владимира, удельного князя Новгородского.

Доставленное особыми послами письмо императора Константина Мономаха, в котором тот просил не нарушать мира и обещал строго наказать убийц, не удовлетворило новгородского князя: русский флот явился перед Босфором и расположился в боевом порядке у Фара.

Император сам вышел с греческим флотом против Владимира, снова предложил Владимиру мир, но юный князь гордо отвечал: «Соглашаюсь,

если вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого моего человека». Соглашение не состоялось, и по сигналу византийского императора завязался бой. Три неприятельские галеры врезались в середину русского флота и зажгли греческий огонь.

Чтобы спастись от пламени, Владимир с флотом снялся с якоря, но разыгравшаяся в это время жестокая буря оказалась для русских губительнее огня: значительное число судов погибло, пошло ко дну и княжеское судно, причем сам Владимир был подобран из воды дружинниками; большая часть русского войска высадилась на берег и была перебита и захвачена в плен греками. Владимир же, ушедший с судами от Босфора, произвел нападение на греческий флот, высланный из Константинополя императором в погоню за русскими.

У северных берегов Черного моря неприятельский флот, в составе 24 галер, под командою адмирала стоявший в заливе, был яростно атакован Владимиром. Юный новгородский князь одержал блестящую победу: в разгаре отчаянного боя русские суда сцепились с неприятелем на бордаж и частью истребили, частью захватили все греческие галеры; греческий адмирал был убит. С остатками своего флота и войска, но вместе с тем с добычею и множеством пленных вернулся Владимир к Киеву, и этим закончился последний морской византийский поход.

Из числа других морских походов за этот же период надо особо выделить походы русских в Средиземное и Каспийское моря.

Первые известия о походе в Средиземное море относятся к 935 г., когда в качестве союзных, после договора Олега, русские суда ходили с греческим флотом к берегам Италии. Второй поход, также совместно с греками, был совершен в 949 г., когда в греческом флоте, посланном к острову Крит, насчитывалось 9 русских кораблей и 600 чел. воинов. Имеются указания, что в 960—964 гг. русские участвовали в покорении Крита, в военных действиях в Сирии и на острове Сицилия.

Особое место в средиземноморских походах надо отнести Хрисохиру, как его называют византийские историки, — смелому и предприимчивому русскому мореходцу, пришедшему морем с отрядом в 800 чел. после кончины св. Владимира в Константинополь. Выставив предлогом своего прихода желание вступить на византийскую службу, Хрисохир, называвший себя родственником кн. Владимира, прорвался через Дарданеллы, разбил у города Абидоса отряд греческих судов и вышел в Архипелаг.

Здесь, после разбойных нападений на острова, Хрисохир был настигнут греками у острова Лемнос, в бою взят в плен и казнен.

Русские походы в Каспийском, называвшимся тогда Хвалынским, море начинаются, по известиям персидских историков, неудачными действиями под городом Абесгуном (на юго-восточном берегу Каспийского моря) в 880 и 910 годах. В 914 г. русские на 500 судах спустились Волгой, через владения и с разрешения хазар, в Каспийское море, основались на острове, лежащем против Баку, и в продолжение нескольких месяцев грабили, жгли и опустошали западное, восточное и южное побережья; из участников похода очень немногим суждено было вернуться; громадное большинство было истреблено в постоянных битвах с туземцами.

В 944 г., одновременно со вторым византийским походом Игоря, русские снова появились в Каспийском море. Волгою они прошли на судах в море, поднялись по реке Куре, разбили неприятеля и взяли город Берда (развалины этого богатого города сохранились до сих пор). Тридцатитысячное войско азербейджанского правителя было успешно отражено русскими, но свирепствовавшие эпидемические болезни принудили их удалиться из каспийских земель.

Через два с четвертью века, в 1175 г., южные и западные берега Каспийского моря снова подверглись нападению русских, пришедших с флотом из 72 судов и занявших на некоторое время Шемаху.

Северные морские походы по морям Балтийскому и Белому и Ледовитому океану совершались почти исключительно новгородцами. Географическое положение Новгорода в начальном районе пути «из Варяг в Греки» делало новгородцев посредниками в торговле Северной Европы с Востоком. Вынужденные стоять на страже обогащавшего их пути, новгородцы приобретали, вместе с торговой складкой, дух предприимчивости и отваги.

Сведения о плаваниях новгородцев относятся к более позднему времени, чем первые византийские походы. В XI столетии новгородцы, выйдя из Белого моря, завоевали Биармию, в то время независимую, густонаселенную и богатую всякими промыслами страну, лежащую по Печоре и Северной Двине, и у устья Двины построили (в XII веке) монастырь св. Михаила Архангела; отсюда они совершали плавания для промыслов и торговли на Новую Землю, в Карское море, к рр. Обь и Енисей.

В этих плаваниях по Ледовитому океану, сопряженных с тяжелой борьбой со льдами и вечными лишениями, тогдашние новгородцы опередили всех: до XIV в. никто из народов Европы, даже прославленные норманны, не совершали таких далеких плаваний на Север.

С 1130 г. имеются указания на плавание русских судов с товарами в Балтийском море, к острову Готланду (на нем, в городе Висби, новгородцы даже имели свой гостиный двор и церковь) и Дании, с 1157 г. — к Шлезвигу.

Значение Новгорода росло очень быстро, и в том же XII веке Великий Новгород вступил полноправным, если не главным, членом в Ганзейский союз — торговый союз приморских городов. Участие Новгорода в союзе выразилось не только в посреднической деятельности на месте, но и в посылке своих кораблей с товарами для заграничной торговли во все страны Европы.

В том же XII веке начинается борьба новгородцев со шведами. Ревниво относясь к успехам Новгорода и сознавая, что этими успехами русские обязаны своему положению в морской торговле, Швеция ставила своею целью возможно большее оттеснение русских от моря. Со времени утверждения шведов в Або (1157) столкновения Швеции с Новгородом свелись к борьбе за обладание Финляндией и владение течением Невы.

На первые неудачные морские набеги шведов на Ладожское озеро 1142 и 1164 гг., отраженные новгородцами с большим для шведов уроном, новгородцы ответили морским походом на Швецию в 1187 (или 1188) г.

Русские суда явились в самое сердце Швеции, к цветущему и многолюдному городу Ситгуну⁵, лежащему на озере Мелар за Стокзундским протоком, где впоследствии был построен Стокгольм. 14 июля Ситгун был до основания разрушен новгородцами и с тех пор навсегда потерял свое былое значение.

Новгородцы вернулись домой с богатейшей добычей. В Софийском соборе в Новгороде, в приделе Рождества Богородицы, до сих пор стоит один из трофеев этого похода — двухстворчатые медные врата, так называемые «шведские», снятые новгородцами в Ситгунском храме и ими же установленные в Софийском соборе по возвращении с моря.

В 1191 г. новгородцы с большим флотом явились на Финляндию и разорили все населенное шведами побережье Финского и частью Ботнического заливов.

Разорение Ситгуна и Финляндии обратило на новгородцев внимание Римского Папы Григория IX. Объявленный им против русских крестовый поход привел в Неву в 1240 г. «множество много зело» шведских и финских судов. У устья Ижоры они были встречены новгородцами, и здесь 15 июля произошло сражение, давшее победителю, новгородскому князю св. Александру, название Невского. В сражении, в числе прочих, погибли начальник шведского флота и епископ; нагрузив два судна телами убитых знатных лиц, шведы по-

хоронили остальных на берегу и в ночь того же 15 июля ушли в море.

Столкновения со шведами почти не отражались на морской торговле новгородцев. Ганзейский союз находил могущественных покровителей в заинтересованных государствах Европы, и значение Новгорода, как посредника в международной торговле, все возрастало.

Знаменитая новгородская вольница (ушкуйники), совершавшая разбойные набеги на Норвегию и наши волжские города, была порождением того же духа предприимчивости и отваги, каким славился и каким создавался Господин Великий Новгород.

Перечисленные выше русские морские походы древнего периода неопровержимо доказывают, что природе русского человека с незапамятных времен было близко, родственно море.

Участники походов были, как называет их летописец, «люди, охочие к морю».

«Охота», любовь к морю, заставляла их совершать рискованные плаванья, не всегда даже в целях государственной необходимости, а скорее из молодечества, жадности добычи и гордого сознания своей силы, перед которой дрожали Константинополь, Ситгун и персидские города. Для походов в Черном и Балтийском морях этот риск был двойной: постоянная опасность со стороны самой стихии и возможность отпора со стороны сильнейшего неприятельского флота.

Греческий флот, например, стоял на высоте всех отраслей тогдашнего военно-морского искусства и имел перед русским все преимущества опыта, какой имелся у него по бесконечным войнам с сарацинами и другими врагами в Средиземном море. Греческий флот уже и тогда имел стройную организацию, походные и боевые строи, лучшее по тогдашнему времени боевое вооружение судов (башни на носу и корме, машины для метания каменных снарядов, мачты с беседками для стрелков, греческий огонь, экипаж от 150 до 300 чел.), определенные тактические приемы, даже литературу по морской тактике.

Русские же суда представляли собою выдолбленные из одного дерева челноки с прилаженными к ним набойными досками. На малый размер этих судов указывает то обстоятельство, что число воинов — они же и гребцы — на каждом судне разными древними авторами определяется в 40—60 чел.

Очевидное преимущество греческих судов перед русскими и очень слабые морские качества русских судов только подчеркивают безумную отвагу наших предков. Совершить переход на подобной ладье Черным морем, в условиях его, часто очень бурной, погоды в наше время считалось бы за подвиг: тем более замечательны походы к Босфору целыми флотами в сотни и тысячи таких судов.

Это, относясь и к новгородцам, доказывает, что древние русские мореходцы, помимо того, что были «охочими к морю», были людьми, прекрасно знавшими море и обладавшими в высокой степени умением бороться с капризной стихией.

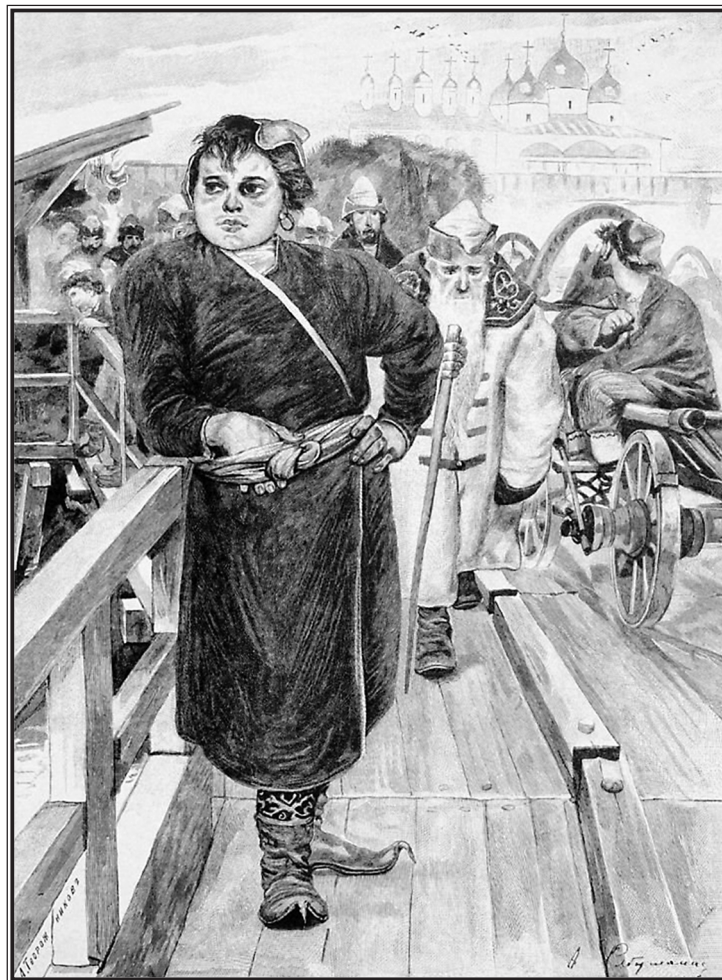
Древние морские походы, естественно, оставили след в русском былинном эпосе, так полно и верно отражающем народную душу. Народное воображение любовно и художественно разукрасило корабли, на которых, по сказанию былин, плавали русские богатыри — Василий Буслаевич, Соловей Будимирович, Садко и др.; на этих фантастических кораблях — и яхонты, и черные соболя, и горностаи, и бархат, и белые медведи, и лисицы бурнастые.

Особенно интересна былина о плавании Каспийским морем (?) к Святому граду Иерусалиму Василия Буслаевича.

Интересно и то, что былины делают моряком и заставляют целых тридцать лет плавать в Каспийском море даже такого, составившего себе репутацию сухопутного и исключительно приверженного к земле богатыря, как знаменитый Илья Муромец:

Уж как по морю, по морю синему,
По синему было морю, по Хвалынскому;
Тут плывет Сокол-корабль по тридцать лет,
Тридцать лет корабль на якоре не стаивал,
Ко крутому бережку не причаливал,
И он желтова песку не видывал.
А бока-то сведены по-туриному,
А нос да корма по-змеинному;
Атаманом был на нем Илья Муромец.

Говоря о значении наших древних морских походов, надо признать, что они были явлением бессознательным, почти стихийным: в большинстве

А. П. Рябушкин. Василий Буслаев.
Иллюстрация к книге «Русские былинные богатыри». 1895 г.

Встреча голландских моряков с русскими на севере России.

Гравюра к изданию книги голландского мореплавателя Геррита де Веера «Правдивое описание трех морских путешествий на голландских и зеландских кораблях, к северу от Норвегии, Московии и Татарию, в королевства Китай и Хину». 1598 г.

случаев они не преследовали определенных задач государственного строительства, и это особенно относится к походам на Византию.

Но это не уничтожает всех неизгладимых следов, оставленных морскими походами в истории России. Русские племена сложились в государство не из крепости ядра Киевского или Новгородского, а от воздействия на те же Киев и Новгород разнородных влияний морей (в политическом их значении) Балтийского и Черного, соединявших великий путь «из Варяг в Греки». (Дальнейшее собиранье Руси около московского ядра — процесс обратный.)

Мореходство (изгнание враждебных варягов за море, призвание из-за моря Рюрика) открывает первую страница русской истории, как кристаллизация «Русского государства» из разрозненных, до того времени, славянских племен.

Мореходство привело Россию к христианству. Обращение в христианство началось с первых же морских походов Аскольда и Дира, и началось под влиянием близкого, хотя и враждебного и временного, общения с Византией. Последующие морские походы укрепляли это общение, и восьмой

поход, кн. Владимира, сделал христианство русской государственной религией.

Мореходство же (морские торговые сношения Киева с Византией и Новгорода с Северной и Западной Европой происходили, прерываясь походами, почти 200 лет) положило начало культурной эволюции Древней Руси, вместе с верой пересадило на русскую почву византийское искусство, ввело Русь в соприкосновение с византийским и западным просвещением, промышленностью, государственными и правовыми нормами.

Сложившаяся благодаря мореходству в государство и от мореходства же получившая христианство, просвещение и культуру, Русь ушла в себя. Период уделов, период дробления и внутренних раздоров положил первую преграду дальнейшему развитию мореходства, которое было мыслимо только при условиях политического единства русских племен. Это была причина внутренняя; внешние же причины упадка русского мореходства с XIII века были еще ощутимее.

От южных морей — Каспийского, Азовского и Черного — Русь была отрезана основавшимися там татарскими царствами; впоследствии, в 1453 г.,

пала Византия, и Константинополь, переименованный новыми владыками в Стамбул, сделался столицей могущественной Османской империи.

Героическая борьба новгородцев за Балтийское море продолжалась значительно дольше, но должна была окончиться победою более сильных — шведов. Построенные шведами для заграждения выхода русским в море Выборг, Ландскрона и Нарва железным кольцом охватили выход из Невы в море; для обороны Ладожского озера новгородцы построили в 1323 г. крепость Орешек (впоследствии переименованную шведами в Нотебург, Петром Великим — в Шлиссельбург).

Постоянные нападения шведов и стеснения ими морской торговли принудили новгородцев заключить мирный договор, по которому Швеции отошла большая часть Финляндии и Карелии, за Новгородом же остались Нева и земли у Финского залива между реками Наровой и Сестрою. Морская торговля, для ограждения свободы которой новгородцы пошли на такие большие жертвы, после этого кое-как продолжалась, но с уничтожением вольности Господина Великого Новгорода и перехода власти над ним к Москве окончательно пала.

Но если новгородцы все-таки отстояли и передали Москве выход Невою в Балтийское море, то полочане, владевшие устьем Западной Двины, постепенно оттеснялись и были, наконец, совсем оттиснуты от моря. Отсутствие морской силы делало их безмолвными свидетелями того, как, начиная с 1152 г., к Двине приходили корабль за кораблем, высаживались иноземные купцы. Купцы превращались в миссионеров, миссионеры — в рыцарей-меченосцев, и через 50 лет Ливония покрылась сетью рыцарских замков, а Рига и Ревель сделались твердынями ордена.

Указанные причины привели русское мореходство к долгому упадку. К воцарению Иоанна Грозного Россия владела только частью финского берега, выходом из Невы в Балтийское море и далекими Белым морем и частью берегов Ледовитого океана.

В историческом пути, которым шло стремление России к морю, Иоанн Грозный занимает выдающееся место. Первый русский царь, он первым глубоко сознал необходимость для Московского царства свободных выходов к морям и первым остро почувствовал настоятельную нужду в военном флоте. То, что в период древних морских походов было почти бессознательным, у Иоанна вылилось в продуманную, настойчивую, даже навязчивую идею.

Покорением Казани и Астрахани Грозный снова привел Россию к Каспийскому морю, взятием в 1558 г. Нарвы создал второй Великий Новгород;

моря Белое и Черное оживились при нем: Белое — морской торговлей, Черное — морскими набегами Адашева и казаков.

Борьбе за Ливонию и Прибалтийский край Иоанн придавал такое исключительное значение, что до конца дней своих не оставлял своей мысли о союзе с Англией, желая даже укрепить этот союз браком с императрицей Елизаветой или с какой-либо из английских принцесс в расчете на то, что союзная Англия своим флотом навсегда обезопасит для России владение Балтийским морем.

Уничтожив с покорением Новгорода участие новгородцев в Ганзейском союзе, Иоанн для того же Ганзейского союза открыл Нарву и разными льготами привлек в нее, кроме ганзейских, торговые суда английские, французские, норвежские, итальянские, голландские. Через Нарву в Россию хлынула волна новых товаров, нового просвещения и новых идей. Встревоженный возрастающим значением Московского царства, польский король Сигизмунд Август писал в Англию королеве Елизавете:

Способ передвижения по рекам с помощью бечевы, которую тянут по берегу (волоком).

По рисунку арабского путешественника XVI в.

«Москаль ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему Величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал

искусств; но если плавание в Нарву будут продолжаться, то что останется ему неизвестным?..»

Недолговременно (1558—1581) владение Нарвой оставило в России особенно заметный след проникновением в Москву новых промышленных и технических знаний, отразившихся главным образом на русском искусстве, пышный расцвет которого относится как раз к XVI—XVII векам.

Еще раньше, чем была открыта для морской торговли Нарва, случайное обстоятельство положило начало морским торговым сношениям побережий Белого моря с Западной Европой.

23 мая 1553 г. из Гарвича (в Англии) вышли к Ледовитому океану три корабля, снаряженные англо-венцианской компанией для отыскания новых земель и пути через Ледовитый океан в Китай. Два корабля были пригнаны бурей к берегам Белого моря, и экипажи их погибли от холода и голода; уцелевший третий корабль добрался до населенных мест, и царь Иоанн, которому холмогорские власти донесли о прибытии английского судна, пригласил капитана корабля, Ченслера, в Москву.

В Москве Ченслер убедился в искренности стремления Иоанна к заведению в Белом море морских торговых сношений с Англией и, по возвращении на родину, основал «Fellowship of english merchants of new trades» («Английская торговая компания для открытия новых торговых путей»), называвшуюся в Англии просто «Московской компанией».

Белое море стало оживленным торговым пунктом; развившаяся деятельность понудила впоследствии, в 1584 г., основать в устье Северной Двины, по соседству с древним монастырем, город Архангельск. Англичане всячески добивались торговой монополии, но им было трудно бороться с конкуренцией голландских, норвежских, датских, французских и даже венецианских купцов, направлявших свои корабли по следам англичан в Белое море.

10 июля 1556 г. на трех кораблях (из них два потерпели крушение) была отправлена из Белого моря в Англию первая большая партия русских товаров с вологодским наместником Непеем. В Англию шли русское сало, воск, деготь, лен, конопля и меха.

Вскоре по возвращении Непея из Англии, где он успел добиться разных привилегий для русской торговли и, между прочим, разрешения на отъезд в Россию по вызовам царя английских техников, инженеров и врачей, Англии было предоставлено исключительное право иметь торговый флот в Москве и склады на Двине, в Вологде, Новгороде, Пскове, Нарве, Юрьеве, Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Астраха-

ни и беспошлинный провоз товаров в Среднюю Азию — Бухару и Самарканд.

Впоследствии, из-за несогласий с Грозным по вопросу о браке царя и отказа в помощи России для возвращения Прибалтийского края и Ливонии, Англия лишилась своих монополий, и морская торговля во вновь основанном Архангельске отошла к Голландии.

Открывшееся при Грозном же английское торговое судоходство в Каспийском море (доставка среднеазиатских товаров водным путем через Каспийское море и Волгу в Европу) началось с 1558 г. и продолжалось несколько лет, пока участвовавшие нападения на английские суда на Волге разбойников окончательно не подорвали дела.

При Иоанне же Грозном возникло русское мореходное предприятие именитых людей Строгановых, заказавших «немецким» мастерам постройку двух кораблей на Северной Двине; дальнейших сведений о судьбе построенных кораблей не имеется, но есть основания полагать, что они должны были идти к Новой Земле для разведки находившихся там, как тогда полагали, месторождений серебра.

Поход в Черное море воеводы Адашева⁶ в 1559 г. был единственным в царствование Грозного московским морским походом. Отправленный с 8 тыс. московского войска и казаков для наказания крымских татар за набеги хана Девлет-Гирея, Адашев построил на Днепре суда и вышел на них в море, к крымским берегам; на пути он взял два турецких судна: одно под Очаковом, другое — южнее Кинбурна. Высадившись у полуострова Хорла на берег, Адашев две недели громил и сжигал окрестные селения, захватил богатую добычу, освободил русских пленных и благополучно вернулся на Днепр.

Оживление морской деятельности на прилегающих к России морях не могло быть таким кратковременным, если бы у Иоанна существовал флот. Широко развившаяся торговля в Нарве, каспийское торговое судоходство, опыт морского похода Адашева — все это, для дальнейшего развития и использования, настоятельно требовало военного флота. Но положить начало военному судостроению, уже в то время требовавшему значительных знаний и сил, хотя бы в одном из морей, было не под силу Иоанну, и даже не столько Иоанну, сколько тогдашнему, переживавшему внутренний кризис, Московскому царству.

Просьба Иоанна к Елизавете о присылке людей, сведущих «в кораблестроении и кораблеводении», осталась неисполненной...

Отсутствие русской морской силы не замедлило сказаться. Во вторую половину царствования Иоанна Грозного Россия потеряла не только Нар-

ву, но и древние русские крепости Ивангород, Ям и Копорье, отошедшие к Швеции; Ливония еще раньше отошла к Польше.

Выше было указано, что союзом с Англией Иоанн Грозный мечтал приспособить английский флот для защиты Балтийского побережья. Эта мысль, которую, при безнадежности в то время всяких попыток быстро создать свой русский флот, так лелеял Иоанн Грозный, со стороны Англии встретила несочувствие не только по связи с

Позднее же, при вторичной просьбе Иоанна об оказании ему помощи флотом в борьбе за Ливонию, переговоры были оставлены из-за бестактности английского посла, усомнившегося в справедливости русских притязаний на Ливонию, которую Грозный назвал «нашею вотчиной». Послу пришлось выслушать от разгневанного царя полный достоинства ответ: «Мы не просим королеву быть судьей между Нами и королем Польши». И переговоры о флоте прервались.

Русский корабль в Ледовитом океане.

Гравюра к изданию книги голландского мореплавателя Геррита де Веера «Правдивое описание трех морских путешествий на голландских и зelandских кораблях, к северу от Норвегии, Московии и Татарии, в королевства Китай и Хину». 1598 г.

брачным вопросом, но и по опасениям создать своею помощью могущественную Россию, на что так настойчиво указывали короли Польский и Шведский.

Раздраженный отказом Елизаветы вступить с ним в брак и оказать помощь флотом, Иоанн Грозный в минуты гнева писал королеве: «А ты сама пошлая девица, и ведешь себя как таковая. Я отказываюсь поддерживать с тобою сношения. Москва может обойтись и без английских мужиков».

Если последующие кратковременные царствования почти не изменили положение России в отношении выхода к морям, то Смутное время и воцарение Михаила Федоровича отмечены в этом смысле тяжелой утратой, понесенной Россией по Столбовскому миру со Швецией в 1617 г.: древние русские земли у Финского залива, между реками Наровой и Сестрою, и Нева отошли к Швеции.

В царях Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове следует отметить их стремление к возвращению

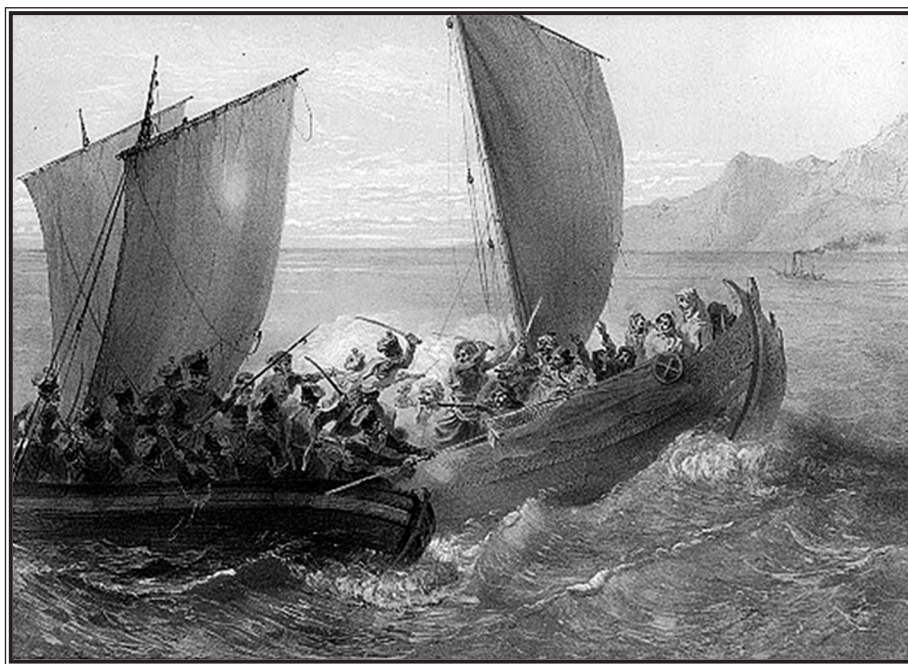
Нарвы и Эстляндии, оставшееся, однако, безуспешным; царь Борис, кроме того, оставил след в истории русского мореходства заботами о развитии русских торговых плаваний в Ледовитом океане и построением на р. Тази города Мангазеи как торгового центра для Северной Сибири, откуда сибирские товары шли к устью Енисея и океаном в Архангельск.

Смутное время, когда Россия расхищалась и терзалась многочисленными врагами, снова выдвинуло идею о флоте, но не как вопрос настоящего, а как спасительную, воодушевляющую на подвиг память славного прошлого. Это напоминание о морской силе, особенно знаменательное

Персия (см. ниже) приняла в сношениях с Россией высокомерный, покровительственный тон.

Но и Смутное время не могло погасить в русском человеке врожденного влечения к морю. Не находившее выхода в Балтийском море, это влечение проявилось на юге, и как раз в Смутное же время «орлы острозрящие и быстролетающие, как на крыльях парящие» появились в Черном море снова — в лице независимых от Москвы разгульных запорожских казаков.

По обстановке, в которой они совершались, морские походы казаков очень близки к древним византийским походам. Та же бесшабашная удаль, то же отсутствие элементов последовательной по-

*Г. Г. Гагарин. Азовские казаки атакуют турецких пиратов.
1847 г.*

для Смутного времени, принадлежит патриарху Гермогену, который в первой же своей грамоте, призывая народ на защиту родины, указывал на те времена, когда даже «незнакомые страны», далекие берега Швеции и Византии трепетали перед русскими — «орлами острозрящими и быстролетающими, как на крыльях парящими», — грозой Балтийского и Черного морей.

Вдохновляемый на подвиг народ справился с терзавшей его смутой, но, лишенное своего значения в Балтийском море и обессиленное этим, Московское царство еще долго должно было переносить пренебрежительное отношение соседей; даже

литической борьбы, та же жажда добычи; только нравственный элемент у запорожцев был более страстным: фанатическая ненависть «христианского лыцарства» к басурманам и месть за набеги турок и татар на Украину.

Первый морской поход запорожцев относится к 1576 г.⁷, когда они на своих «чайках» — почти те же древние ладьи — ходили от Днепра по всему Черному морю — к Дунаю, Евпатории, Кафе (Феодосии), Синопу и Трапезунду, — разоряя и уничтожая прибрежные турецкие и татарские укрепления, города и селения. В 1590 г. запорожцы вновь посетили и сожгли Синоп и Трапезунд; в 1605 г. —

сожгли Варну и истребили весь стоявший там турецкий флот, кроме нескольких галер и галеасов, взятых ими с собою к Днепру; в 1607 г. — разгромили Очаков и Перекоп.

В 1612 г. гетман Сагайдачный⁸, в отместку за набег татар на Украину, разорил Кафу и все Крымское побережье от Кафы до Евпатории; в 1613 г. он же грабит Синоп и возвращается к Днепру с богатой добычей. 1613—1614 гг. отмечены множеством удачных нападений казаков на все побережье Черного моря.

В 1616 г. под Трапезундом запорожцы истребили турецкий флот из 26 судов и совершенно разорили и сожгли отстроившиеся Трапезунд и Синоп; в 1620—1625 г. без перерыва держались перед Босфором, разоряли окрестности по обоим берегам пролива, громили крымские берега, отражали нападения турецкого флота; в 1624-м, на 100 чайках прорвавшись в Босфор, на глазах султана ограбили и сожгли окрестности Стамбула, в том числе богатый город Неокорис; в 1629 г. запорожцам снова удалось прорваться в Босфор; бой под Константинополем закончился победой казаков, и они вернулись домой с богатейшей добычей: коврами, парчою, шелковыми тканями, посудой, драгоценным оружием.

В эти же годы начинаются морские походы казаков донских, состоявших, в противоположность запорожцам, с 1559 г. в подданстве Московскому царю. С 1629 по 1637 гг. донцы, иногда совместно с запорожцами, громили берега Крыма и в 1637 г. взяли Азов, который держали за собою до 1641 г.

Особенно памятный поход донцы совершили в 1638 г.: на тысяче чаек они разлетелись по всему Черному морю, опустошили Трапезунд, Синоп и Ризу, грабили и топили попадавшие им в море суда, и, при возвращении и при встрече у Керченского пролива с турецким флотом, понесли чувствительное поражение; но и после того донцы продолжали тревожить турок в Азовском и Черном морях.

Эти опустошительные морские набеги казаков вызывали содрогание и ужас не только в турецких селениях азиатского и румелийского берегов, но и в самой столице: «Появление в море четырех казацких челнов,— доносил французский посланник королю Людовику XIII из Константинополя,— наводило на Константинополь больший страх, чем появление чумы в Море».

О своих появлениях у Константинополя сами запорожцы очень характерно упоминают в грамоте, отправленной ими впоследствии крымскому хану. Называя себя «мужественными кавалерами», которые еще в старые годы «повыдирали» множество турецких крепостей и городов в Черном море, запорожцы пишут:

«Потом року 1629, братия наша Запорожцы с певным вождом своим воюючи в чолнах по Експонту, коснулись мужественно и самих стен Константинопольских, и тие довольно окуривши дымом мушкетным превеликии Султанове и всем мешканцам Цареградским сотворили страх и стяжание, и некоторые отлеглие Константинопольские селения запаливши тож щастливе, из многи ми добычами до коша своего повернулись...»

Относительно морских походов казаков приходится повторить то же, что сказано о русских походах древних: отчаянная отвага и исключительная, прямо интимная, близость и приспособленность к морю. В отличие от древних киевских, походы казаков осложнялись тем, что при выходе из Днепра и Дона и обратно казакам приходилось еще пробиваться сквозь турецкие крепости (Очаков и Азов, донцам же и через Керченский пролив) и стороживший их здесь турецкий флот. Безумная храбрость и природная находчивость помогали казакам преодолевать и эти препятствия, как и побеждать почти всегда турок при случайных встречах с их флотом.

Только в 1649 г. султану удалось прекратить морские набеги (и то только запорожцев) заключением мирного договора, по которому запорожцы, взамен прекращения нападений на турецкие берега, получили право свободных плаваний в Черном и Средиземном морях и морской торговли с Турцией. Более чем полувековая борьба запорожцев с турками закончилась.

В мореходстве Московской Руси первая половина того же XVII века отмечена новым явлением, сложившимся также стихийно, под влиянием естественного влечения к морю и невозможности удовлетворить это влечение в Балтийском море. Это были плавания русских промышленников и искателей приключений в Ледовитом океане, к востоку от устьев Печоры.

Эти плавания довершили дело покорения Сибири (совершенное, кстати сказать, Ермаком с донскими казаками преимущественно водным путем — сибирскими реками) и оживили пустынные до того времени восточные сибирские берега. Возникла океанская торговля с Сибирью, Архангельск и Мангазея стали главными пунктами этого пути; выгоды развившейся торговли привлекли сюда же голландские и английские суда.

Начавшееся оживление Северного края было остановлено из Москвы непонятным запрещением плаваний сначала для иностранных (в 1616 г.), а затем (1620) и для русских судов.

Эти запрещения, явившиеся следствием совершенно неосновательных опасений захвата сибирских земель иностранцами и уклонения русских мореходцев от уплаты пошлин, ясно показывают политическую отсталость отрезанной от Балтий-